МАРКА СТРАНЫ ГОНДЕЛУПЫ
МОГИЛЕВСКАЯ
АСТ
АСТРЕЛЬ
С. МОГИЛЕВСКАЯ

Софья Могилевская

Марка страны Гонделупы

«АСТ»

Могилевская С. А.

Марка страны Гонделупы / С. А. Могилевская — «АСТ»,

Замечательная повесть известной детской писательницы Софьи Абрамовны Могилевской (1903–1981) рассказывает о дружбе трех мальчишек и о нелегких испытаниях, проверивших эту дружбу на прочность.Книга адресована детям младшего школьного возраста.

© Могилевская С. А.
© АСТ

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 8
Глава третья 12
Глава четвёртая 16
Глава пятая 21
Глава шестая 24
Глава седьмая 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Софья Могилевская
Марка страны Гонделупы

Глава первая
Петя и Вовка

Началось всё как будто с пустяков… В один прекрасный день, усевшись верхом на заборе, Вовка от нечего делать показал Пете язык и запел на все лады:

– Петрушечка, свиндирюшечка! Петру-ушка-свиндирю-ушка! Петру-уха-свиндирю-уха…

Петя обиделся. Он терпеть не мог таких шуток.

– Уходи с нашего забора! – покраснев, крикнул он.

– Не уйду! – весело ответил Вовка. – Забор не ваш, а наш.

Петя сердито нахмурился:

– Вот ещё! Наш, а не ваш!

Но Вовка любил дразниться. Он нарочно перебросил обе ноги в Петин сад, да ещё в придачу забарабанил босыми пятками по доскам забора.

– Не ваш, а наш! Не ваш, а наш! Не ваш, а наш…

Этого Петя стерпеть не мог. Он схватил камешек, размахнулся и сплеча запустил им в Вовку.

И надо же – камень угодил Вовке прямо в ногу! Должно быть, очень больно, потому что Вовка громко заревел и, сковырнувшись с забора, побежал домой.

«Теперь будет знать!» – с торжеством подумал Петя. Сжав для храбрости кулаки, он направился к забору.

Но не тут-то было.

Над забором вдруг появилась лохматая голова. Длинноногий верзила в полосатой тельняшке уселся на перекладине и в упор посмотрел на Петю. При этом он чуть-чуть прищурил правый глаз. Это был двоюродный Вовкин брат пятиклассник Сергей. У Пети ёкнуло сердце. Кулаки разжались и сами собой опустились вниз.

Однако от забора он не отступил.

В это мгновение вынырнула ещё парочка Вовкиных двоюродных братьев – два близнеца: Ванечка и Мишенька. Эти с трудом вскарабкались на забор и, выпучив круглые глазки, тоже уставились на Петю.

Ну, их-то, во всяком случае, можно было не бояться. Подумаешь, четырёхлетние клопы!

Тем не менее Петя сделал шаг назад. Правда, очень маленький шаг. Скорее полшага, чем шаг. Но всё-таки…

И вдруг забор застонал и пошатнулся. Казалось, огромные столбы, врытые в землю, сейчас согнутся и лягут набок вместе с досками. На забор взгромоздились два самых старших брата Чернопятко – Григорий и Андрей.

И вся компания в грозной тишине устремила глаза на Петю.

Ох!..

У Пети подогнулись коленки, и он мгновенно исчез из сада.

Откуда же он мог знать, что у Вовки в гостях все его двоюродные братцы? Не вступать же с ними в бой, как вы думаете?

С этого самого дня всё и началось.

А казалось, чего бы им ссориться?

И жили они совсем рядышком. И отцы их работали на одном заводе. И забор у них был общий. Правда, забор этот был высокий, плотный, из хорошо пригнанных досок и вдобавок покрашен зелёной масляной краской. Но ведь через самый высокий забор можно перелезть, если за ним ждёт тебя друг…

На следующее после ссоры утро Вовкины куры забрались в Петин сад. Петя задрожал от радости, когда их увидел. Ну, теперь он покажет Вовке и его двоюродным братцам!

Он схватил палку и помчался навстречу курам.

И уж он гонял их по всему саду! Уж он их гонял…

Гонял и вопил не своим голосом. Ошалелые куры бегали, роняя перья. Они кудахтали на весь посёлок.

В конце концов Петя пригнал их обратно к забору, и они перелетели через него обратно на свой двор, словно дикие лебеди. И уже оттуда раздавалось их неистовое кудахтанье.

Вдогонку Петя запустил и палку. Весь забор загрохотал, точно барабан, а куры закудахтали ещё громче.

Это было лихо проделано, ничего не скажешь!

Расплата последовала немедленно. Тут же над забором Петя увидел разгневанное лицо Вовкиной матери и услышал её сердитый голос:

– Сейчас ты у меня увидишь, озорник! А ну-ка зови свою мать… Живо!

Но маму звать не пришлось. Она сама прибежала узнать, что случилось с соседскими курами, почему они так раскудахтались.

Как она огорчилась, услыхав о Петиных подвигах!

– Зачем ты трогал чужих кур? – спросила она. Голос у неё был скорее расстроенный, чем сердитый. – Как ты смел?

– Они сами к нам пришли. Я хотел их только выгнать, – насупившись, соврал Петя, не чувствуя, однако, никакого раскаяния за свою ложь.

– Он нарочно, он нарочно, он нарочно… – выкрикнул Вовка, появляясь вдруг над забором возле своей матери. – Я знаю… он нарочно!

– Ты правда нарочно? – спросила мама.

– Нарочно! – твердо ответил Петя, с ненавистью посмотрев на краснощёкое лицо врага.

Теперь мама рассердилась по-настоящему:

– Какое безобразие!

– Ага, ага, ага, я говорил, он нарочно! – заорал Вовка и тут же, получив увесистый подзатыльник от своей матери, нырнул вниз.

В общем, куриный конфликт был улажен быстро и совершенно мирным путём. Петина мама извинилась за Петю и сказала, что она готова заплатить за пострадавших кур, если куры как-нибудь пострадали.

Но Вовкина мама от денег отказалась, а лишь попросила, чтобы больше такого не повторялось.

На это Петина мама ответила, что она твёрдо обещает, что больше это не повторится, и соседки разошлись по домам.

Итак, всё было улажено и все остались довольны. Все, кроме Вовки…

Как? Вместо того чтобы выдрать Петьку за такое нахальное обращение с их курами, шлепок получает кто?

Он, ни в чем не повинный Вовка! И главное – какой позор! – прямо на глазах у злейшего врага.

Где же тут справедливость?

Нет, с этим Вовка мириться не мог… Вечером прямо перед окнами дома, где жил Петя, на дереве болталась старая метла. А рядом висела бумажонка с неуклюжими карандашными каракулями:

Петруха-свиндирюха повешен за ухо.

На этот раз даже мама возмутилась:

– Ну уж это слишком!.. – и тут же велела Пете снять метлу и кинуть её на помойку.

А Петя был счастлив. Нет, ни на какую помойку он метлу не понесёт. Он сделает по-другому.

Улучив подходящий момент, он заманил к себе в сад Вовкиного щенка Тяпку. Налил ему полную тарелку супу, и, пока этот толстый обжора с жадностью лакал суп, Петя ухитрился привязать к его коротенькому хвосту ту самую метлу, которая висела на дереве перед их окнами.

Потом он перебросил щенка с метлой на Вовкин двор.

К метле была прицеплена записка:

Вовка, Вовка – кислый квас,
Тухлая капуста.
Съел он старую метлу
И сказал: «Как вкусно!»

Казалось, конца не будет этой вражде. Казалось, никогда они не протянут друг другу руку мира, не сядут рядышком потолковать о своих делах, как это было прежде.

Казалось, никогда не наступит такой день. Никогда…

Глава вторая
Они первоклассники

– Петя, – сказала мама. – А ведь сегодня уже пятнадцатое августа…

Лицо у неё стало озабоченным.

Петя ничего не ответил: пятнадцатое так пятнадцатое! Не всё равно?

– Да, – продолжала мама, – скоро первое сентября, и у тебя начнутся занятия в школе.

На этот раз Петя насторожился: почему это у мамы словно бы расстроенный голос?

Он спросил:

– Разве тебе не хочется, чтобы начались занятия в школе?

– Как не хочется! Конечно, хочется. Но вот ведь… Прямо понять не могу, как это случилось? Бумаги твои ещё не поданы…

Петя побледнел.

– Мама! – Голос у него дрогнул. – Мама, что ты наделала? Теперь всё пропало…

– Ничего не пропало. Завтра сходим привьём оспу, а послезавтра я пойду в школу. Без справки об оспе в школу всё равно не принимают.

Но Петя и слушать не хотел ни о каком «завтра». Какие могут быть «завтра», если существует «сегодня».

Нет, он был не таким человеком, чтобы откладывать что-либо на следующий день.

– Сегодня пойдём и привьём оспу! – твёрдо сказал он. – Прямо сейчас же.

Нет. Сегодня мама не могла.

– Как ты не понимаешь, – сказала она, начиная сердиться, – у меня есть дела. Сказала – завтра, завтра и пойдём.

Нет. Петя не мог ждать до завтра. Как мама не хочет понять, – больше откладывать невозможно.

– Тогда иди сам! – сердито проговорила мама. – Пожалуйста, иди. Тебя никто не держит.

И Петя ушёл очень рассерженный.

Собственно говоря, мама сказала это просто так. Она, конечно, не думала, что Петя пойдёт без неё в поликлинику, да ещё прививать оспу.

А Петя уже шагал по главной улице заводского посёлка, направляясь в ту сторону, где среди пёстрого цветника стояло белое двухэтажное здание поликлиники.

Возле проходной – дверей, куда рабочие входили на завод и откуда выходили после работы, – Петя немного задержался. Там висели огромные электрические часы и великолепный градусник побольше самого Пети.

Лиловый столбик на этом градуснике поднялся очень высоко, хотя было ещё утро и часы показывали без пяти десять. Но и без градусника было ясно, какая жара! Асфальт на солнечной стороне тротуара размяк и продавливался под пятками сандалий. А георгины – уж на что выносливые цветы! – и те опустили листья. Всё лето было такое, и август не уступал июлю.

Сейчас у проходной было пусто и тихо: не наступил ещё час обеденного перерыва. Только в табачном ларьке, отмахиваясь от мух, дремал знакомый старичок, у которого папа всегда покупал папиросы «Беломор».

Но Петя отлично знал: стоит только часовой стрелке вместе с минутной очутиться на двенадцати – и всё мгновенно переменится.

Петя любил смотреть, как это бывает. Иногда он приходил сюда встречать своего папу. Приходил пораньше, чтобы увидеть всё с самого начала: как дрогнет последний раз большая минутная стрелка, соединившись с короткой, часовой; как гудок тут же зальётся громко и басисто, а из дверей проходной начнут выходить рабочие завода. Сначала их будет немного.

Потом будет становиться всё больше и больше. И тогда нужно хорошенько смотреть, чтобы не прозевать папу…

А как приятно бывает среди такой массы незнакомых людей увидеть его!

«Папа! – кричал тогда Петя, бросаясь всем наперерез и расталкивая всех локтями. – Папа, я здесь!»

«Петя?» – всякий раз удивлялся папа, когда видел Петю возле проходной.

Он брал в свою большую руку маленькую руку сына, и они, как и все, спешили домой, чтобы успеть помыться и поесть до конца обеденного перерыва.

От папиных рук и спецовки пахнет машинами, железом и ещё каким-то особенным заводским воздухом. И Петя незаметно для папы нюхает и папину руку и рукав его рабочей куртки. И ему кажется, что лучше этого заводского запаха ничего нельзя себе представить…

«Сегодня вы тоже испытывали новый станок?» – спрашивает он у папы.

«А как же! – отвечает папа. – Токарно-винторезный…»

«Хорошо работает?» – снова спрашивает Петя.

Подумать только, какие серьёзные у них разговоры! Не всякому мальчику приходится беседовать со своим папой о таких важных вещах.

«Налаживаем», – отвечает папа. Он смотрит на Петю и смеётся одними глазами.

Но сейчас на часах всего лишь без пяти десять, и возле дверей проходной Пете делать нечего. Ещё разок взглянув на огромный градусник, он идёт дальше.

Вот и поликлиника! Здесь работает его мама. Здесь Петя не раз бывал вместе с ней. Но сегодня у мамы приема нет, и вот приходится идти одному.

Страшновато. Но что поделаешь, если нужно…

Глубоко вздохнув, Петя поднялся по ступеням крыльца. Толкнул тяжёлую входную дверь и вошёл внутрь.

Его сразу остановила санитарка в белом халате:

– Тебе, мальчик, что?

– Где тут у вас справки на оспу? – вежливо спросил Петя. И, покраснев, добавил: – Мне завтра в школу поступать.

Тут санитарка, узнав Петю, удивилась:

– Ты один пришёл? Без мамы?

– Один, – ответил Петя и, ещё больше краснея, робко сказал: – Что ж тут особенного?

– Молодец! – похвалила санитарка и объяснила: – Иди прямо-прямо по коридору. Шестой кабинет. Найдёшь?

Как же не найти? Ведь в пятом принимает его мама. Пятый кабинет так и называется – глазной, и там его мама лечит разные глазные болезни.

– Найду, – сказал Петя. – Я умею считать до тысячи…

– Какой молодец! – снова похвалила санитарка.

И всё-таки, когда этот молодец шёл по коридору, сердце у него колотилось так сильно, что пришлось положить ладошку на живот.

Не вернуться ли домой, пока не поздно?

Но глаза помимо воли отыскали дверь с цифрой шесть. И рука против воли толкнула эту дверь. А ноги, уж совсем не желая того, шагнули за порог, и Петя очутился в большой светлой комнате.

Возле дверей за столиком сидела сестра, тоже в белом халате, и писала. Она вопросительно посмотрела на Петю.

– Я один, что ж тут особенного, – упавшим голосом пролепетал Петя.

Вот когда ему стало по-настоящему страшно!

А не удрать ли домой? Прямо сейчас? Сию секунду…

Но удирать было поздно. Сестра в белом халате спросила у Пети, как его зовут, как его фамилия и сколько ему лет.

Петя тотчас ответил, что зовут его Петя, что фамилия его Николаев и что недавно ему исполнилось семь лет.

– Ступай посиди, тебя вызовут, – сказала сестра и всё, что ей сказал Петя, быстро записала в большую книгу.

А Петя пошёл на свободное место у окна и сел.

Сел, глянул направо, на своих соседей, и обмер: рядом с ним, бок о бок (ну кто бы мог такое представить?!) сидел его злейший враг – Вовка.

Но какой же это был не похожий на себя Вовка! Он весь лоснился от чистоты. Его красные щёки блестели, будто два хорошо вымытых помидора. А коленки-то, коленки! Наверно, их тёрли мочалкой часа два! Если не больше…

Петя посмотрел на свои колени. М-да… Мама покраснела бы и за его рубашку, и за его трусики. Но за колени – больше всего…

А Петя не собирался краснеть. Ничуть. И если щёки его слегка порозовели, а глаза заблестели, так это вовсе не от стыда. Наоборот – от гордости.

Вовка не решился бы прийти сюда один. Куда там! Рядом с ним сидела мама. И тут же, к великому Петиному удовольствию, она спросила:

– Неужто ты один, Петя?

– Один, – гордо проговорил Петя и небрежно прибавил: – Что ж тут особенного?

– Может, и мне уйти… Останешься? – спросила у Вовки мать. – Вот, будете вместе.

– Останусь, – буркнул Вовка, стараясь не смотреть в Петину сторону.

– Ну и ладно! Коли так, не буду времени терять. – И, твёрдо шагая, она направилась к двери.

Мальчики остались одни. Они сидели рядышком, надутые, сосредоточенные. И хотя оба отвернулись друг от друга и смотрели в разные стороны, прежней вражды не чувствовали. Наоборот, им очень хотелось поговорить.

Но кто же решится первый?

Петя?

Ну нет! Он скорее проглотил бы кончик собственного языка.

А у Вовки и в мыслях такого не было. Первому мириться, когда Петька кругом виноват? Очень надо!

Иногда они бросали исподлобья друг на друга быстрые незаметные взгляды. Ёрзали на стульях. Но оба молчали, крепко стиснув зубы.

Так прошло пять минут. Потом десять. Потом пятнадцать.

И вдруг совершенно отчётливо из боковой двери раздалось:

– Владимира Чернопятко к врачу.

Петя вздрогнул. Быстро, как на пружинке, повернулся к Вовке:

– Тебя.

– Да, – еле слышно прошептал Вовка, и щёки его стали медленно бледнеть.

Петя почувствовал к своему недавнему врагу такую жалость!..

– Ты не бойся, – прошептал он. – Это не очень больно…

– Я не боюсь, – дрогнувшим голосом ответил Вовка и поднялся со стула.

В ту же минуту тот же голос из той же двери крикнул:

– Петра Николаева к врачу!

– Тебя тоже! – вскричал Вовка, и румянец мгновенно вернулся на его щёки. – Пошли вместе…

– Пошли! – воскликнул Петя.

И оба, рука об руку, они вошли в кабинет к врачу.

– Ага, два дружка-приятеля! Вместе в школу поступать, вместе оспу прививать! – весело встретил их старенький доктор.

– Вместе! – уже ничуть не робея, проговорил Петя.

Вовка же солидно объявил:

– Завтра наши документы пойдут относить в школу. Его и мои.

– Понимаю, понимаю, – сказал доктор. – Ну-ка, снимайте рубашонки… Я вас сначала послушаю, постукаю…

Из поликлиники шли они долго. Сначала остановились и сверили свои справки. Всё в них оказалось совершенно одинаково. Всё, вплоть до запятых. Конечно, кроме имён и фамилий.

Потом они ещё раз остановились, чтобы поглядеть на только что привитые оспины. И, хотя это были пустяковые, едва заметные царапины, каждый похвалился, как здорово он вытерпел «эту ужасную боль» и даже не пикнул.

У Петиной калитки они остановились.

– Давай сегодня шалаш строить! – предложил Вовка.

– Ладно, – согласился Петя. – Только лучше у нас в саду…

– Только поближе к нашему забору, – сказал Вовка.

– Не к вашему, а к нашему… – упрямо сдвинув брови, начал было Петя. Но одумался. Примирительно сказал: – А забор-то не ваш и не наш, а заводской.

– А ты думал! – усмехнулся Вовка.

На следующее утро мама пошла записывать Петю в школу. Он остался дома и не мог найти себе места от волнения. Он слонялся по саду, ничем не мог заняться. И Вовки, как назло, нигде не было. Даже десяток вишен, чудом уцелевших среди листьев, не доставили Пете никакого удовольствия. Он съел их с мрачным видом, хотя вишни были необычайно сладки той особенной сладостью, какая бывает у последних ягод, перезрелых и чуть провяленных солнцем.

Уж какие там вишни, когда мамы нет и нет! Все-таки странно, почему так долго? Может, справка об оспе не годится? А вдруг они уже опоздали? Вот ведь какая мама! Он просил её пойти пораньше, а она выбралась только в половине десятого…

Да, да, так оно и есть – его не приняли! И она нарочно не идёт, чтобы его не огорчать.

И вдруг…

– Петя! Петушочек!

Петя видит: в раскрытой настежь калитке стоит мама.

Мама щурится от солнца, ищет его глазами и не видит.

Петя хочет бежать ей навстречу, но ноги его не слушаются.

– Мама, – шепчет он. – Мама…

А мама зовёт его:

– Ну иди же ко мне! Иди скорее! Первоклашка ты мой…

И сама бежит навстречу Пете.

– Да? – У Пети дух захватывает от восторга. – Да?

– Да, да! – смеётся мама. – Да, да, да!

Петя заливается румянцем, несколько раз подпрыгивает и орёт на весь сад:

– Ура!

– Ур-ра! – доносится из соседнего сада. Над забором появляются щёки помидорового цвета и блестящие глаза Вовки.

– И тебя тоже? – кричит ему Петя и бежит к забору.

– Приняли! – кричит Вовка и тут же на глазах у изумлённых мамы и Пети совершает великолепнейший прыжок: с самого верха забора прямо к ним в сад.

Глава третья
Первый пенал

Когда был съеден завтрак и одна за другой три сливочных тянучки, Петя с озабоченным видом взглянул на маму:

– А ведь у меня нет пенала!

– Разве у тебя есть учебники? – спросила мама.

– Нет, – ответил Петя. – И учебников у меня тоже нет.

– А портфель у тебя есть?

– И портфеля нет.

– Так чего же ты беспокоишься о пенале! У тебя ещё ничего нет…

– Ах, мама! – обиженно воскликнул Петя. – Вот ты и не понимаешь. Пенал – это самое главное. Самое-самое главное.

– Неужели? – удивилась мама. – Чего не знала, того не знала!

После завтрака она уехала зачем-то в город. Заводской посёлок, где они жили, находился в нескольких километрах от города: туда нужно было добираться на автобусе.

А Петя, не теряя ни одной минуты, вытряхнул из копилки все свои сбережения. Денег оказалось порядочно: полный кулак.

Положив монеты в карман, он помчался в книжный киоск, который находился за углом.

– Мне нужен пенал… только очень хороший! – сказал Петя, обращаясь к продавщице. – С сегодняшнего дня я уже первоклассник…

– Выбирай! – проговорила продавщица и выложила на прилавок не меньше десятка пеналов.

Никогда Петя не мог себе представить, какое это наслаждение выбирать пенал!

Во-первых, необходимо было, чтобы хорошо открывалась крышка. Пожалуй, это и было самым главным.

Затем стенки. Стенкам полагалось быть гладко отполированными, без малейшей шероховатости, и блестеть как стекло.

Наконец, внутри требовалось четыре отделения. Именно четыре, не больше и не меньше: для карандаша, для ручки, для резинки и для перьев.

Петя осматривал пенал за пеналом. Исследовал их с необычайной тщательностью. Выдвигал и задвигал у каждого крышку. Проводил пальцами и ладонью по их лакированным стенкам. Заглядывал внутрь. Нюхал. Щупал. И даже один лизнул: каков на вкус?

Он перебрал те, что лежали на прилавке. И всё же не мог решить, который из них самый лучший, достойный отправиться вместе с ним в школу.

– Ну? – потеряв наконец терпение, спросила продавщица. – Скоро ты?

– Ещё не выбрал, – озабоченно сказал Петя. – Всё не найду…

– Вот, право, какой! Ищешь, ищешь… Этот возьми! Чем плох? – И она протянула Пете пенал, который на первый взгляд ничем особенным от остальных не отличался.

Но когда Петя взял его в руки и хорошенько рассмотрел, пенал оказался выдающимся. Он был такой жёлтенький! Крышка у него выдвигалась как надо – не туго и не слишком легко. Внутри пахло смолой и лесом. А на стенке темнел коричневый отполированный сучок, вроде родимого пятнышка.

Петя немедленно купил именно этот пенал. Затем карандаш, ручка, шершавая резинка для чернил и пяток перьев «Пионер» туго заполнили четыре отделения пенала.

Домой он возвращался настоящим первоклассником. Теперь в этом не могло быть сомнения!

До обеда Петя с величайшим старанием приводил в порядок своё новое школьное хозяйство. Он протёр пенал изнутри и снаружи тряпкой. Потом смахнул пыль с карандаша, с ручки, с резинки и с каждого пёрышка в отдельности. И наконец всё это удобно разложил в пенале.

А к обеду из города вернулась мама.

Она влетела в дом немного усталая, но весёлая, оживлённая и вся в покупках.

– Ну, Петя, – воскликнула она, – ты обрадуешься! Посмотри, что я тебе привезла. Разве не прелесть?

И с гордым видом она развернула и положила на стол пенал – весь пёстренький, с белой хаткой и подсолнечником на крышке. И, конечно, карандаш, ручку, резинку и с десяток перьев «Пионер».

– Ой! – испуганно вскричал Петя. – Ведь это уже второй…

Но тут же, чтобы не огорчать маму, деликатно прибавил:

– Ничего, ничего… управлюсь и с двумя!

Когда папа пришёл в обеденный перерыв, мама и Петя тут же сообщили ему новость.

– Уже была в школе! – проговорила мама.

– Да, – гордо сказал Петя, – уже первоклассник. Ловко?

– Ловко! – сказал папа. – Жаль, я не купил сладенького по такому случаю.

– Всё есть! – воскликнула мама.

– Всё! – воскликнул и Петя. – Пастила, печенье и… угадай даже что?.. Ореховая халва. Ловко?

– Ловко! – сказал папа и подошёл к письменному столу. – Получай! – добавил он и торжественно вытащил из ящика какой-то продолговатый свёрток. – В Москве купил, когда ездил в командировку.

– Прямо в Москве? – вне себя от восторга взвизгнул Петя. – На какой улице?

Он нетерпеливо распутал бечёвку, развернул бумагу и…

Да, это был пенал! Превосходный коричневый пенал. А к нему карандаш, резинка, ручка и целая коробка перьев «Пионер».

– Ловко? – спросил папа.

– Большое спасибо, – упавшим голосом прошептал Петя и жалобно прибавил: – Это третий…

Петя был мальчик аккуратный и во всём любил ясность.

Он знал: у человека, когда тот идёт в школу, обязательно должен быть пенал… Но один, а не три! А если всё же их оказалось три?

Несколько дней его мучило, как быть с тремя пеналами. Нельзя же нести в школу всё три сразу? А если один, то какой?

Мамин, конечно, самый хорошенький. Если зажмурить левый глаз, а правый прищурить, хатка на пенале совсем как настоящая.

Зато папин – из Москвы. И, кроме того, такой солидный, вместительный. Настоящий мужской пенал.

Но разве тот, который он сам купил, плох? А как славно пахнет ёлочками!

Петя по очереди вынимал каждый пенал отдельно и все три вместе. Рассматривал их со всех сторон и снова клал на место. Нет, он не в силах был решить! Ну просто никак не мог…

Даже новый портфель с отличным блестящим замком не доставил ему настоящего удовольствия. Да уж какое тут удовольствие, когда каждый день приходится то класть, то вынимать из него какой-нибудь пенал! Уложишь мамин и думаешь: может, лучше папин взять в школу? Положишь папин – а не лучше ли жёлтенький? Уложишь жёлтенький – и тотчас вспомнишь о мамином.

И опять всё сначала.

Папа у Пети был очень умный, удивительно умный. Мало того, что он каждый день испытывал у себя в цехе разные машины, можно было, например, снять дома телефонную трубку и сказать: «Соедините меня, пожалуйста, с инженером Николаевым». И соединяли сразу, безо всяких. Мама много раз так делала. Петя это слышал собственными ушами.

И мамой Петя очень гордился. Мама у Пети была доктором. И не просто доктором, а глазным доктором. Она не только умела лечить всякие глазные болезни, но, если кому нужно, подбирала подходящие очки. В поликлинике, на стене её кабинета, висела таблица с разными буквами. Верхний ряд состоял из одних огромных. В следующем ряду находились буквы помельче. Потом ещё мельче. И так из ряда в ряд, а в самом низу были такими, что издали почти невозможно было различить, где «а», где «б», а где твёрдый знак.

И бабушка у Пети была отличная. Раньше, пока Петя был маленький, она жила вместе с ними. Но теперь он стал вполне взрослым, и бабушка уехала от них в Москву. Но всё равно и в Москве она Петю не забывала, то и дело посылала ему посылки с интересными игрушками и вкусными московскими конфетами.

И вот, за два дня до первого сентября, то есть за два дня до начала школьных занятий, от бабушки пришла посылка. Эту посылку почтальон принёс прямо к ним домой!

– Тебе, – сказала мама, расписываясь на переводе.

Петя схватил посылку, прижал к животу и потащил на стол распаковывать.

Было совершенно ясно: эта посылка с подарками в честь его поступления в школу.

Но что, что могло в ней быть?

От нетерпения Петя никак не мог развязать бечёвку. Но всё-таки ножницами её резать не стал, а развязал (мало ли, а вдруг на что-нибудь пригодится!), и даже сургучные нашлёпки ему удалось сковырнуть неповреждёнными. Когда снятая парусина, будто кожура, легла на стол, посылка рассыпалась на целую массу больших, маленьких и средних свертков.

– Ох, что тут? – не сказал, а простонал Петя. Мама тоже не сводила глаз с посылки – до того ей самой было интересно, что там. Она сказала:

– Вот бабушкино письмо. Читай скорей. Из письма мы всё узнаем…

Конечно, в тысячу раз быстрее было бы всё развернуть. Но сейчас Пете не хотелось спорить. Он протянул маме письмо.

– Ты прочти… – прошептал он, ну прямо изнемогая от нетерпения.

– «Мой дорогой внучек Петенька! – писала бабушка из Москвы. – Поздравляю тебя с поступлением в школу. Теперь ты у нас уже совсем большой мальчик. Учись прилежно, расти здоровенький, весёленький на радость всем нам. Посылаю тебе московских конфет и ещё одну вещь, которой ты очень обрадуешься. Я хранила его для тебя. С ним твоя мама ходила в школу. Этот кожаный пенал…»

– Пенал?! – с ужасом крикнул Петя. – Ещё пенал?

Мама тоже расстроилась и перестала читать письмо…

Теперь их было четыре!

Ночью Петю мучили странные сны. Ему снились сплошные пеналы.

Сначала пеналы просто гуляли по саду и лазали по деревьям. А потом принялись играть друг с другом в футбол.

Это было уже чересчур!..

Утром Петя принял твёрдое решение: он взял тот пенал, который купил себе сам, и понёс его в книжный киоск.

– Пожалуйста, – сказал он продавщице, – возьмите его обратно. Их у меня слишком много…

Голос у него был печальным.

– Что ж, давай, – согласилась та. – А он у тебя чистый?

– Очень чистый! – ответил Петя и тяжело вздохнул: жалко было расставаться.

Однако домой он возвращался вприпрыжку. Три – не четыре. Всё-таки легче жить на свете!

У калитки его ждал Вовка. Они давно не виделись. Петя был рад остановиться и поболтать.

– Значит, завтра? – сказал он и многозначительно подмигнул приятелю, но тот мрачно молчал и глядел куда-то вбок.

Петя удивился: неужто Вовке уже расхотелось в школу? Так быстро?

Вид у Вовки был подавленный. Он даже как будто согнулся и ростом стал ниже. Проговорил, стараясь не встретиться с Петей глазами:

– Сначала съел молочное с вафлей. За девять копеек. Потом эскимо на палочке за одиннадцать. Потом захотел стаканчик фруктового…

Ну, теперь-то для Пети всё яснее ясного! Болит живот, и придётся принять касторку. Велика беда! Если хорошенько зажать нос…

Но Вовка лишь рукой махнул. Какая там касторка! Касторку он бы с удовольствием…

– Мать дала сорок копеек… Купи, говорит, чего нужно для школы, а если останутся деньги, можешь на мороженое. А я сначала захотел мороженого. Теперь у меня ручка есть, карандаш есть, а пенала… И Вовка громко заревел. – Пенала у меня не-ет…

Петя был потрясён. Он не верил собственным ушам:

– У тебя нет пенала? Ни одного?

– Ни одного! – прорыдал Вовка.

– Стой здесь! Прямо на этом месте! – приказал Петя.

Сбегать домой было делом одной минуты. Вовка ещё не успел осушить слёз, а уж Петя вернулся.

– Возьми! – Он протянул Вовке коричневый папин пенал и весело сказал: – Теперь осталось два!

В благодарность он получил от Вовки целую горсть колёсиков от старых часов и счастливый побежал домой. Что там говорить – лучшего и не придумаешь! И мама встретила его весело:

– Петя, насчет пеналов можешь не беспокоиться. Я всё устроила: кожаный взял себе папа – ему будет очень удобно носить на работу карандаши. А тот пёстрый с подсолнечником… Петя, что с тобой?

По мере того как мама говорила, лицо у Пети бледнело и вытягивалось.

– Теперь ни одного! – воскликнул он, всплеснув руками, и выскочил на улицу.

– Вы ещё не продали мой пенал? – подбегая к книжному киоску, спросил Петя у продавщицы.

– Нет, а что? – удивилась продавщица.

– Вот деньги… Дайте мне, пожалуйста, скорее.

Петя схватил протянутый ему пенал, осмотрел его со всех сторон. Да, это он! Тот самый… Вот и сучок, похожий на родинку. И пахнет ёлочками. И крышка? Да, и крышка выдвигается как надо… Громко щёлкнув, Петя закрыл крышку своего первого пенала.

Глава четвёртая
Синяк

Первого сентября Петя и Вовка пошли в школу. И хотя с вечера они уговорились идти вместе, утром за Вовкой зашли его двоюродные братья, и он умчался с ними, даже забыв о Петином существовании.

Но и Петя не вспоминал Вовку. Мысли его были заняты другим. Он встал в половине седьмого и принялся по-новому укладывать в портфель своё школьное имущество. Сперва он впихнул всё учебники, которые ему купила мама. Потом десятка три тетрадей. Потом целый набор карандашей, резинок, ручек и, вероятно, около сотни перьев «Пионер».

Напрасно мама и папа убеждали его: больше одного карандаша и одной ручки ему не понадобится; и хватит с него пяти тетрадей; и можно в первый день вообще не брать учебников; и совершенно достаточно положить в пенал три запасных пера.

Петя никого не хотел слушать. Он упрямо мотал головой. Нет, он возьмёт всё! Мало ли что бывает! А вдруг у него сломается карандаш? Или у кого-нибудь потеряется ручка? Или, ещё того хуже, будет скрипеть старое перо?

И он пихал, пихал, пихал в свой маленький портфель, пока этот портфель не раздулся до неузнаваемости.

– Лопнет, – сказала мама. – Вот увидишь. Или сейчас, или по дороге… Обязательно лопнет, вот увидишь!..

Конечно, такой портфель нести было нелегко. Он оттягивал руку чуть ли не до земли.

Но когда мама предложила: «Петя, давай понесу…» – Петя так посмотрел на маму, что ей стало ясно: ни в какой её помощи отныне Петя не нуждается!

Всю дорогу мама поглядывала на него и удивлялась. Ведь, кажется, совсем недавно, ну просто совсем недавно, он первый раз сказал «баба» и «мама». С трудом переступая, сделал первые два шажка. Измазавшись до ушей, впервые съел самостоятельно тарелку каши… И вот ему уже семь лет, и вот он идёт в школу!

Нет, вы только поглядите, какой у неё взрослый сын – еле тащит портфель, а от помощи отказался!

Утро было ясное, солнечное, с золотыми листьями на берёзах. Таким оно и должно быть, утро первого сентября, утро первого дня занятий в школе…

Две недели со всё возрастающим нетерпением Петя ждал этого дня. А вот сейчас он шёл и невольно замедлял шаги.

Что-то будет там, в этой неведомой ему школе?

Он крепко сжимал ручку портфеля, и сердце его тревожно замирало.

Возле школьного двора они с мамой остановились.

– Сам хочешь или вместе пойдём? – спросила мама.

– Погоди, – сказал Петя и приложился глазом к щели в заборе.

Ого, сколько там народу! Полон двор. Кажется, всем очень весело. И разве страшно? И тут Петя впервые почувствовал, что вполне может обойтись без мамы и совершенно самостоятельно вступить в этот новый для него и такой заманчивый мир.

– Сам пойду, тут всё сами, – прошептал он и решительно направился к калитке.

– Как хочешь, – сказала мама.

Однако, шагая по школьному двору, Петя то и дело оглядывался назад. А может, лучше с мамой?

Куда ему идти? Что надо делать? Он ничего не знал.

Хоть бы Вовку найти. Да разве сыщешь!

Вдруг Петя услыхал:

– Петя, Петька, сюда! Сюда шагай! Мы тут стоим!

Он увидел, что у школьного крыльца столпились самые младшие ученики – мальчики и девочки, и побежал туда.

Вовка сразу его стал поучать:

– Пойди скажи, что пришёл.

– Разве надо? – удивился Петя.

– Надо.

– А что сказать?

– Так и скажи: «Я пришёл».

– А кому сказать?

– Учительнице, а то кому? Вон той…

– А зачем?

– Так надо, всё делают.

– Так и сказать: «Я пришёл»?

– Так и скажи: «Я пришёл, по фамилии Петя Николаев»

– Ладно, сейчас скажу… А зачем?

– Так надо, чтобы всё знали. Ну чего ж ты стоишь?

– Сейчас пойду.

Но Петя топтался на месте, перехватывал портфель из одной руки в другую и не мог сделать ни шагу.

Как он жалел в эту минуту, что рядом нет мамы!

А Вовка начал сердиться:

– Ну чего ты? Иди! Ну?

– Сейчас пойду, – прошептал Петя, замирая от страха.

К счастью, та учительница с седыми волосами, к которой посылал его Вовка, подошла сама.

Она подошла прямо к Пете и спросила:

– Как твоя фамилия?

К ужасу своему, Петя почувствовал, что не может произнести ни своей фамилии, ни имени, вообще ничего. Он точно язык проглотил.

А Вовка всё подталкивал его в спину, всё шептал:

– Говори! Тебя спрашивают, говори.

И тогда Петя, глотая слюну, заикаясь и пятясь назад, пролепетал:

– Я пришёл… по фамилии Петя Николаев… я пришёл в первый класс.

– Кажется, ты у меня, – сказала учительница. – Сейчас посмотрю. Так и есть: Николаев, Пётр. Ты будешь в первом классе «А». Запомнишь?

– Запомню.

– И я в первом классе «А», – шёпотом прогудел Вовка, высовываясь из-за Петиной спины.

– Меня зовут Клавдия Сергеевна. Запомнишь?

– Запомню.

– И мою учительницу зовут Клавдия Сергеевна, – снова высовываясь из-за Петиной спины, загудел Вовка.

– Значит, вы оба в моём классе, – смеясь, проговорила Клавдия Сергеевна и, что-то отметив на листе бумаги, отошла к другим детям.

– Умная! – с почтительным уважением сказал Петя.

– А ты думал! – гордо ответил Вовка.

Этот день был восхитительный во всех отношениях. Ничто не могло его омрачить. Даже тот синяк под глазом, с которым Петя возвратился домой из школы.

Сперва Клавдия Сергеевна всех их поставила парами. А когда зазвонил звонок, парами же они поднялись по ступеням школьной лестницы, вошли в школьную дверь и наконец зашагали по длинному школьному коридору. Таких коридоров ни Вовка, ни Петя сроду не видывали. Он был шириной чуть ли не с улицу.

Потом Клавдия Сергеевна распахнула перед ними высокую белую дверь и сказала: «Это ваш класс!» – и они вошли в огромную комнату.

Казалось, что в этой комнате стен вовсё нет, а все стены превратились в окна – так много здесь было света.

Ах, как приятно было первый раз в жизни сесть за парту и уложить внутрь свой портфель! И положить руки на покатую крышку. А затем откинуть часть этой крышки и заглянуть в чернильницу, в которой не было ни капли чернил. И ещё раз открыть и закрыть крышку. И снова положить руки на парту и ждать, что будет дальше.

Но всё это было ничто в сравнении с той минутой, когда Клавдия Сергеевна сказала им, что урок начался, и показала, как нужно встать, когда учитель входит в класс.

Они встали все, как один. Правда, первый раз это получилось чересчур громко. Но ведь они так старались! Зато в следующий раз Клавдия Сергеевна их похвалила. Она сказала: «Так. Правильно. Только крышки поднимайте тише».

Потом она стала вызывать каждого ученика по отдельности. Назовет фамилию, а ученик должен встать. Клавдия Сергеевна поставит какой-то значок в большой книге, которая лежит перед ней на столе, и скажет: «Можешь сесть!» – и тогда ученик уже должен сесть.

Петя прямо дождаться не мог, когда наконец придёт его очередь.

А когда Клавдия Сергеевна спросила, кто знает буквы, кто умеет читать, и не пробовал ли кто писать, и до скольких кто может считать, Петя и Вовка, хотя и сидели на первой парте, руки поднимали как можно выше, чтобы Клавдия Сергеевна видела, что они умеют и писать, и читать, и считать…

– Вот какие вы у меня молодцы! Значит, вы почти всё уже знаете! – похвалила своих учеников Клавдия Сергеевна.

– Мы можем начать сначала! – с жаром крикнул Вовка, вскакивая с места.

– Никогда не вредно повторить то, что знаешь, – улыбнулась Клавдия Сергеевна. Однако велела Вовке сесть и так громко не кричать.

На втором уроке было письмо. И тут выяснилось, что у двух мальчиков и одной девочки нет тетрадей. Тогда Петя поднял руку и сказал, что у него с собой очень много тетрадей, и если надо, то, пожалуйста, он с удовольствием даст.

И как же ему было приятно, когда Клавдия Сергеевна взяла у него три тетради и сказала:

– Хорошо быть таким запасливым!

Тогда, вне себя от гордости, Петя объявил, что у него с собой ещё очень много карандашей.

К сожалению, карандаши не понадобились, потому что Клавдия Сергеевна сказала, что писать они будут сразу перьями.

– И перьев у меня очень много! – вскричал Петя. Но перья были у всех.

– А резинки? У меня есть и для чернил!

– Сколько же ты принёс? – пряча улыбку, спросила Клавдия Сергеевна.

Петя вытащил из парты свой битком набитый портфель:

– Вот!

А переменки? Что может быть лучше маленьких перемен! Чего только не сделаешь в эти пять минут перерыва между уроками!

Можно, например, походить по коридору – правда, не слишком удаляясь от дверей класса. Или съесть яблоко, которое мама сунула в карман. Или даже осторожно выглянуть во двор и посмотреть, не начался ли дождь, пока у них был урок.

Но большая перемена была, конечно, в тысячу… нет, в миллион раз лучше!

– Давай сходим к Серёже, на второй этаж? – предложил Вовка, лишь только Клавдия Сергеевна им сказала, что сейчас началась большая перемена, которая будет длиться двадцать минут.

Конечно, Петя с удовольствием согласился. Захватив портфели, чтобы показаться во всей красе, мальчики отправились вверх по лестнице.

Сергея они встретили в коридоре. Он насмешливо присвистнул:

– Тю! Куда это мелюзга собралась?

– Прогуливаемся… – кротко улыбаясь, ответил Петя.

– Ничего не прогуливаемся! – перебил его Вовка. – К тебе пришли.

Сергей удивился:

– Ко мне? На кой я вам дался?

– А просто так, посмотреть, – широко улыбнулся Вовка.

– Так смотрите, – сказал Серёжа, но не успели мальчики вдоволь на него насмотреться, как он исчез.

– Теперь куда? – спросил Петя.

– Теперь к Грише. Их класс на третьем этаже.

А Гриша их встретил совсем по-другому.

– Фу, до чего важные! – сказал он, с восхищением разглядывая мальчиков и особенно Петин портфель. – Ничего не скажешь: форменные первоклассники!

– Мы и есть первоклассники, – с важностью сказал Петя.

Хотя Гриша зазывал их к себе в класс и обещал познакомить со всеми учениками, мальчики наотрез отказались. Нет, им некогда, они спешат!

– А теперь? – снова спросил Петя, когда они расстались с Григорием. – К Андрюше?

Вовка кивнул, и приятели полезли на четвёртый этаж, где находились старшие классы и учился Андрей Чернопятко.

Но туда им добраться так и не удалось.

Вдруг – а они-то думали, что большая перемена лишь началась! – зазвонил звонок.

– Что это? – бледнея, воскликнул Петя.

– Звонок! – закричал Вовка, и в совершенном смятении они кинулись вниз.

Какой ужас! Неужели они опоздают на урок и получат выговор от Клавдии Сергеевны?

Они ворвались в класс и, толкая друг друга, бросились к своей парте. И тут Петя почувствовал, что его новые ботинки скользят вперёд, а он несётся вслед за ботинками и никак не может удержаться на ногах. Со всего размаха он шлёпнулся на пол, ударившись глазом об угол парты. Вместе с ним шлёпнулся и портфель.

– Лопнул! – раздался чей-то отчаянный возглас.

Конечно, это относилось к портфелю, потому что Петя, несмотря на ужасную боль, был совершенно цел.

Но портфель действительно лопнул. Он лопнул по нижнему шву, и все тридцать тетрадей, все сто перьев «Пионер», все карандаши, все ручки, все резинки и даже знаменитый жёлтый пенал – всё разлетелось по классу.

Но в такой день, как сегодня, разве можно проливать слёзы о разорванном портфеле или из-за ушибленного глаза?

Когда после большой перемены Клавдия Сергеевна вошла в свой первый класс «А», она просто остолбенела на пороге: все парты до одной были пусты, но зато все её тридцать три ученика ползали по полу, старательно подбирая какие-то пёрышки, карандаши, резинки.

– Что случилось? – спросила она.

– Всё-таки лопнул! Мама сказала… Так и есть! – торжественно объявил Петя, поднимаясь с пола.

– Николаев! Петя! – ужаснулась Клавдия Сергеевна. – Что с твоим глазом? Кто тебя?

– Сам! – гордо ответил Петя.

– Какой синяк! – шептал Вовка, с завистью разглядывая Петин глаз.

По дороге домой синяк много раз менял цвета и оттенки. У дома он стал сиренево-розовым. И когда мама, открыв дверь, увидела своего Петю, с ней чуть обморок не сделался.

– Что с тобой? Что с тобой? Что с тобой? – только и могла она выговорить.

Петя показал на портфель:

– Всё-таки лопнул!

И, прищурив распухший глаз, с гордым самодовольством прибавил:

– Это я сам!

Вовку, который принёс в своем целом портфеле Петино имущество, терзала чёрная зависть: какой синяк! Ах, какой синяк! И везёт же этому Петьке…

Так закончился их первый школьный день.

Глава пятая
Рыженький мальчик

С каждым днем Пете всё больше и больше нравилось учиться в школе. Прежде он даже представить себе не мог, как это будет интересно!

Например, тетради. Каждому первокласснику полагалось пять тетрадок. Не больше и не меньше, а именно пять. На каждой должно быть написано имя ученика, фамилия ученика, в каком он классе и даже в какой школе. Одним словом, полная биография.

Затем. При каждой тетради полагалась своя собственная промокашка. Розовая, или бежевая, или обыкновенная серенькая. Причем эта промокашка не просто лежала между листами тетради – она держалась на какой-нибудь цветной ленточке.

Уже через несколько дней после начала занятий Вова Чернопятко и Петя Николаев получили в классе общественную нагрузку. Они должны были вырезать из разноцветной бумаги кружки величиной с двухкопеечную монету. Этими кружками все ученики первого класса «А» приклеивали ленточки к промокашкам.

Теперь, если Петя находил где-нибудь дома ленточку от конфетной коробки, он брал её себе. Хорошенько слюнявил, разглаживал на карандаше и лишь тогда отдавал Вале Никодимовой, одной девочке из их класса. В первом классе «А» Валя считалась ответственной по ленточкам. И если кому-нибудь из учеников первого класса «А» нужно было приклеить к новой промокашке новую ленточку, следовало обращаться именно к Вале Никодимовой, и ни к кому другому. А за кружком для этой ленточки – к Вове Чернопятко или к Пете Николаеву, и тоже ни к кому другому.

А как интересно было на уроках! Скажем, на уроке письма. Особенно когда они стали писать не палочки, а самые настоящие буквы.

Во-первых, писать приходилось чернилами. И не простыми синими, какими пишут папа и мама, а тёмно-фиолетовыми.

Во-вторых, нужно было очень следить, чтобы с пера на тетрадь не шлёпались кляксы.

В-третьих, писать необходимо было не как-нибудь, а по косым линейкам и чтобы каждая буква стояла навытяжку, руки по швам.

И, наконец, самое главное – писать полагалось с нажимом.

Ого, этот нажим! Он делал прямо чудеса.

Взять хотя бы кружок. Без нажима – никакого вида. Кружок как кружок. Но стоило сделать хороший нажим на одной стороне этого кружка – и сразу получалась великолепнейшая буква «О»!

А на уроках чтения!

Петя и до школы умел читать. Он научился ещё в прошлом году и даже читал толстые книги, вроде «Острова сокровищ», где было очень много пиратов. Но в классе было совсем другое!

Подумать только, как мало на свете букв, а сколько из них можно составить слов.

Ма-ма. Ра-ма.

Па-па. Ла-па.

Лам-па… И ещё множество других.

На уроках арифметики Клавдия Сергеевна часто вызывала к доске.

От десяти отнять семь, сколько будет? Очень просто. В одну секунду можно сосчитать в уме: три!

Но какое же сравнение, когда это приходилось делать на доске! Мелок то и дело падал на пол. Поднимешь его, а пальцы становятся совершенно белыми, будто их специально окунали в

зубной порошок. От пальцев и вся рубашка покрывалась меловыми разводами, и сразу можно было понять: человек отвечал у доски.

А какие цифры можно было писать! Каждую величиной со стул, и даже больше.

…Как-то, придя домой, Петя сказал:

– А меня опять вызывали к доске…

Он сообщил об этом, как о самом пустяковом событии, даже слегка небрежно. Но мама-то отлично понимала, как хочется Пете, чтобы она расспросила его обо всём поподробнее.

– А что ты отвечал?

– Решал примеры.

– Правильно решил?

Но Петя ответил уклончиво:

– Ещё не знаю… Клавдия Сергеевна никому не выставляла отметок…

– Но всё-таки, – настаивала мама, – ты знал или нет?

И снова ответ прозвучал туманно и непонятно:

– Не знаю… Может, Клавдия Сергеевна «плошку» поставит, может, «пёсика», а может, «хор»…

Мама удивилась:

– Погоди, что это за «пёсики»? Впервые слышу!

Петя снисходительно улыбнулся: какая мама смешная! Ну откуда же ей знать о таких вещах? Ведь она, должно быть, училась при царе!

И, стараясь не показывать своего превосходства, Петя объяснил: «пёсики» – это «посредственно» или тройки, а «хоры» – это «хорошо» или четверки, а «плошки» – это «плохо» – самые обыкновенные двойки…

– А ты что, рассчитываешь на двойку? – не отставала мама.

Но Петя твердил своё:

– Не знаю… Клавдия Сергеевна сказала, что отметки…

А через несколько дней, вернувшись из школы, Петя буквально ворвался в переднюю:

– У меня три пятёрки! Целых три пятёрки! Не веришь? Смотри! – кричал он и совал маме свои тетрадки, чтобы она поглядела, какие хорошенькие круглые пятёрочки выставила ему Клавдия Сергеевна. – И за чтение, и за письмо, и за арифметику…

– А говорил, что будут «плошки», «пёсики», – разглядывая первые Петины отметки, сказала мама. – Где же?

– Ты разве… – Петя с удивлением смотрел на маму. – Ты разве хотела?..

– Да нет же, нет! – засмеялась мама. – Глупый! Только зачем же было пугать человека разными там «плошками» и «пёсиками»?

Однажды утром, вбежав в класс, Петя и Вовка увидели на своей парте, как раз на том самом месте, где обычно сидел Вовка, какого-то совершенно незнакомого мальчика. Причём мальчик этот расположился на Вовкином месте как у себя дома. В ложбинку для перьев он положил карандаш и ручку, а книги и тетради, видимо, убрал внутрь. Поставив оба локтя на крышку парты и обхватив ладонями щеки и подбородок, он тихонько разглядывал ребят.

Одним словом, по всему было видно, что новенький устроился здесь прочно и не собирается уступать этого места ни Вовке, ни кому-нибудь другому.

Ну можно ли было стерпеть такое неслыханное самоуправство! Вова и Петя переглянулись и мгновенно оба кинулись на защиту своего места.

– Выкатывайся! – крикнул Вовка, грозно надувая красные щёки. – Нашёлся… тоже!

– Сейчас же… сию минуту убирайся! – кричал Петя, тоже наступая на мальчика. – Сейчас же!

От такого натиска даже мужественного человека бросило бы в дрожь! А мальчик был маленький, бледный, с тонкой шейкой и перепуганными глазами. Неудивительно, что его сразу затрясло. Он торопливо вскочил. Стал собирать книги, тетради, карандаши… Всё это принялся завёртывать в газетную бумагу. Его веснушчатый носик морщился. Он моргал, кажется собираясь заплакать. Стал бочком вылезать из-за парты!

А Вовка, едва лишь мальчик освободил место, сразу пришёл в благодушное настроение. С видом победителя он легонько щёлкнул новенького по затылку и, не теряя времени, принялся выкладывать из портфеля книги и всё остальное.

Довольный тем, что всё обошлось сравнительно легко, без тумаков, мальчик нерешительно топтался со своими пожитками между партами, не зная, куда деваться.

В это время в класс вошла Клавдия Сергеевна.

– Ты почему встал? – спросила она, подходя к новенькому. – Раз я тебя посадила – значит, и сиди.

– На моём месте? – с возмущением вскричал Вовка. – А я куда же?

Клавдия Сергеевна быстрым взглядом окинула класс. Проговорила:

– Теперь ты будешь сидеть на третьей парте. Рядом с Таней Тихоненко.

Вовка сердито засопел. Не хочет он уходить со своего места. Не хочет, и всё! Почему именно он? К тому же на одну парту с девчонкой… Где же справедливость?

Но Клавдия Сергеевна внимания не обратила на расстроенное Вовкино лицо. Как ни в чём не бывало продолжала:

– Митя Фёдоров, ты сядешь на вторую парту… С последней тебе плохо видно. И я тебя тоже не совсем хорошо вижу… А вот Катя Лялина сядет на Митино место. Ведь она у нас самая высокая!

И не успели они оглянуться, как Клавдия Сергеевна рассадила их всех по-новому. И вот ведь как у неё получилось: самые смирные уходили к самым разговорчивым, озорники оказались соседями тихонь, а прилежные и аккуратные ученики попали рядышком с лентяями.

Но всего этого Петя, конечно, не заметил. Он был удручён не меньше Вовки. Подумать только: они просидели рядом чуть ли не целых пять дней – и вот, нате вам! – ни с того, ни с сего, их вдруг взяли и разлучили.

Теперь Вова где-то далеко, чуть ли не на краю света, а у Пети под боком новый сосед, какой-то совершенно чужой, неизвестный мальчик. Да к тому же, кажется, и плакса…

Петя мрачно покосился на новенького и окончательно пал духом. Новенький был совершенно рыжий! Ну весь как есть рыжий… Рыжий до последнего волоска. Даже ресницы и те были у него рыжие. И нос в рыжих веснушках. И лоб в веснушках. И даже на щеках веснушки. Как будто его нарочно обмазали яичным желтком, как пироги, перед тем как их сажают в печку.

Вот наказание! Вместо его лучшего друга Вовки оказался такой сосед!

Глава шестая
За окном падает снег

Зима не наступала долго. Всё время шли дожди. Из водосточных труб, как из водопровода, хлестала вода.

В школу надо было ходить в галошах, и это было очень неприятно. Но спорить не приходилось. По дороге встречались такие лужи, что их невозможно было перейти даже в галошах.

Не верилось, что где-то есть морозы. И снег лежит чуть ли не по колено. И даже, может быть, где-то катаются на лыжах, на коньках…

Петя печально смотрел, как с голых веток, дрожа, падают тяжёлые мокрые капли, похожие на крупные слёзы, и ему самому хотелось горько плакать.

И вдруг, совершенно неожиданно, когда решили, что зиме вообще не бывать, подул холодный северный ветер. В течение нескольких часов всё высохло и затвердело. Деревья покрылись звонкими стеклянными чешуйками, а тучи низко свесились над домами, словно собирались улечься на крыши или просто посерёдке улицы.

И к вечеру пошёл снег. Белые мошки несмело вертелись в воздухе, то опускаясь, то снова взлетая, будто никак не могли решить, что им делать: упасть на холодную землю или взвиться обратно к тучам…

Петя с радостным визгом вскочил на подоконник и распахнул форточку.

Наконец-то началась зима!

А когда снег повалил как следует и целые тучи белой пушистой мошкары закрутились перед окнами, Петя высунул из форточки обе руки. И снежинки доверчиво полетели прямо в его тёплые розовые ладони, мгновенно тая, не успевая показать своей хрупкой звёздной красоты.

Мама тоже подошла к окну, присела на подоконник:

– Как красиво! Похоже, будто роятся белые пчёлы…

– Точь-в-точь! – воскликнул Петя, продолжая ловить снежинки. – Совершенно точь-в-точь!

– И ещё похоже, будто Снежная королева прилетела к нам из своего ледяного царства… Помнишь, у Андерсена?

Петя перестал ловить снежинки:

– Я ничего не знаю про Снежную королеву.

Мама удивилась:

– Неужели я тебе не читала этой сказки? Ведь она моя любимая.

– Никогда! – с возмущением вскричал Петя. – Ни разу! Там о пчелиной Снежной королеве?

– Ну что ты! Там о мальчике Кае и девочке Герде. О том, как они дружили… Не читала? Такая чудесная сказка.

– Ни разу! Как тебе не стыдно!

– Они жили по соседству, под крышами двух островерхих домиков. Так близко друг от друга, что могли переговариваться из окошек. И там же, наверху, они устроили себе сад, в котором посадили куст розовых роз. Летом они любили сидеть под этим кустом. А зимой, когда окна замерзали…

– Знаю! Знаю! – вдруг вспомнил Петя. – Всё знаю! Мальчик нагревал на огне монетку и прикладывал к окошку. Получалась круглая дырка, и они с девочкой смотрели на снежок…

– Значит, читала?

– Да! – весь раскрасневшись, вскричал Петя. – Да, да, да, читала! Теперь вспомнил…

А мама, любуясь снегом, падающим за окном всё гуще и гуще, говорила тихим и каким-то особенным, чуточку взволнованным голосом:

– Одежда Снежной королевы была соткана из снежных звёздочек, и сама она была прекрасна. Но сердце-то у неё было ледяное. Попросту говоря, у неё совсем не было сердца, вместо сердца у неё был кусочек льда… И когда она унесла в свое царство Кая, она и его заморозила. У него стало ледяное, холодное сердце, и он забыл свою маленькую подружку…

– А она? Ведь она его не забыла?

– Нет. Она была удивительно смелой девочкой, с горячим, любящим сердцем… И она пошла искать своего товарища по всему свету…

– Ведь её тоже могла утащить Снежная королева? – прошептал Петя. – И у разбойников ей было страшно… Но как же она всё-таки не испугалась?

– Когда по-настоящему дружишь, о себе нисколько не думаешь и за себя ничуть не боишься. Это и есть настоящая дружба…

Петя задумчиво смотрел на падающий за окном снег. Тихонько повторил:

– Дружба?.. Разве это такая важная вещь – дружба?

– Настоящая дружба? Это самое важное в жизни человека. И самое прекрасное.

– Да? – задумчиво и немного удивленно проговорил Петя. – Я не знал… А у нас с тобой дружба, мамочка?

– Мы с тобой очень дружим. И всегда друг другу верим…

– Разве для дружбы важно – верить?

– Очень важно.

– С Вовкой мы тоже дружим. Только знаешь, Вовка теперь сидит на третьей парте. Уже давно! Это ничего для дружбы?

– Это совершенные пустяки.

– А вот с тем мальчиком, знаешь, который сидит теперь со мной вместо Вовки… С ним я не дружу. Ни на копейку! – Петя поморщился. – У него одни кляксы… С ним никто не дружит.

– Почему же вы с ним не дружите? Это очень плохо.

– Плохо?

– Очень плохо.

– Ты думаешь, очень плохо? – протянул Петя, щурясь на снег. – Почему?

А снег всё падал и падал.

И в другой половине дома, где жили Чернопятко, тоже увидали за окном снег. Первый увидел его Вовка.

– Снег! – завопил он на весь дом. – Настоящий снег!

Он тоже влез на подоконник и тоже распахнул форточку. Просунул наружу голову.

Было просто удивительно, как мог он так легко протиснуть свои толстые красные щёки!

А снег уже падал густо, крупными хлопьями.

– Смотрите, смотрите! – задыхаясь от восторга, кричал Вовка. – Смотрите всё!

Он втянул голову обратно в дом. Всё-таки непостижимо, как это пролезли его щёки?

– Завтра мы с Петькой – на санках!

Он снова высунулся в форточку:

– Или на лыжах!

И опять бедная, многострадальная голова оказалась в комнате:

– Или в снежки!..

Он снова высунулся наружу.

Толстые красные щеки, как им досталось!

А снег падал и падал…

Может, и правда Снежная королева мчалась на белых конях, а её великолепный снежный плащ вместе с ветром нёсся над всей землей?

А в это время третий мальчик, тот рыженький, который занял на парте место Вовки – его звали Кирилкой, – тоже стоял возле окна и тоже глядел на снег…

Он думал, что, может быть, и на Севере сейчас идёт снег. Только, уж конечно, тот снег получше этого. И его гораздо больше. Потом он подумал, что отец, наверно, давно катается на лыжах. Или на собаках. А может, даже на оленях? Очень на многом можно кататься там у них, на Севере.

Давно папа уехал. А не прислал ещё ни одного письма. Каждый день Кирилка спрашивает на почте письма от папы. Там ему отвечают: «Пишет, пишет…» Но если пишет, куда же деваются папины письма?

Кирилка тихонько вздохнул.

А снег всё шёл, шёл, и за окном становилось темно.

Потом Кирилка подумал, что завтра в школу можно идти в валенках. И это очень хорошо. Потому что ботинки у него давно прохудились, а сказать об этом тётке боязно. Обязательно заругается, что прохудились. Обязательно.

После валенок Кирилка сразу вспомнил про школу, про Петю Николаева и вздохнул ещё громче.

Сколько дней они сидят рядом, он и Петя, а всё равно Петя нипочём не хочет с ним дружить. Даже рукой заслоняет свои буквы, чтобы Кирилка на них не смотрел.

А какие у Пети буквы! Какие буквы!

Вчера вот у Пети капнула на парту клякса. Кирилка поскорее вытер эту кляксу да ещё послюнявил, чтобы на крышке не осталось пятна. Петя почему-то рассердился. Он сказал: «Значит, ты подлиза» – и покраснел. А чем же он подлиза?

Книги он всегда кладет в парту точь-в-точь как Петя, и карандаш у него похож на Петин. И промокашка тоже на красной ленточке.

Чем же он подлиза?

Конечно, если бы он отвечал без запинки уроки и если бы не кляксы, Петя бы с ним дружил.

А что ему делать?

На дополнительных занятиях он всегда отвечает хорошо. А вот в классе при всех боится. Клавдия Сергеевна, она добрая, она ему говорит: «Ну, Кирилка, ну отвечай же… Какой ты, право! Ты же всё знаешь! Отвечай…» А он стоит у доски и молчит. Не может слова выговорить. Вдруг все засмеются?..

А сколько у него клякс!.. Все тетради в кляксах. Разве можно дружить с мальчиком, у которого столько клякс?

А как же ему без клякс, если на столе всегда белая скатерть? Вот и приходится уроки делать на подоконнике. Учительница Клавдия Сергеевна то и дело повторяет: «Рука, которой пишешь, вся должна лежать на столе». А на подоконнике не то что рука – тетрадь еле помещается. А локоть совсем свисает. Вот потому у него и кляксы, что на подоконнике…

И в «колдунчики» его не берут играть. На переменках все мальчики играют, а его не берут… Никогда. Только дразнятся: «Рыжик-пыжик, почем десяток веснушек?»

Если веснушки хорошенько потереть щёткой – может, они сотрутся?

На этот раз Кирилка вздыхает глубоко и протяжно.

– Тише! – сердито шепчет тётка. – Генечку не разбуди.

Генечка – её сын. Хоть ему только пять лет, дерётся он очень больно. А сдачи Генечке тётка не велит давать.

Новые ботинки, которые ему перед отъездом на Север купил отец, тётка спрятала в комод – наверно, для Генечки. И новую шапку-ушанку (тоже отец купил) надевает Генечка. А когда

тётка идет в гастроном, или на базар, или ещё куда, то велит Кирилке, чтобы тот смотрел за Генечкой и не обижал его. А почему Генечке она не говорит, чтобы он не дрался?

Кирилка опять вздохнул.

– Говорят, тише! – прошипела тётка. – Уроки делай…

– Сделал, – тоненьким голоском ответил Кирилка и снова вздохнул.

Что же поделаешь, такая у него была привычка: вздыхать и вздыхать…

Плохо жить на свете, когда совсем один, когда тётка слова ласкового не скажет, а дядя, папин брат, хоть добрый, да всё на работе. Иногда погладит Кирилку по голове… Только редко это бывает.

А отец далеко, на Севере. И сам не едет, и писем не шлёт.

А главное, плохо, когда нет товарищей. Плохо, ох как плохо…

Глава седьмая
Кирилкин портфель

Петя и Вовка мало похожи друг на друга. И характером и наружностью.

Петя высоконький мальчик и немного бледноват. Вовка же, наоборот, коренастый коротышка. У Пети на лбу аккуратно подстриженная чёлочка, а у Вовки на затылке торчит хохолок, похожий на кисточку для бритья.

Петя щурится. Он слегка близорук. А когда он смеётся, на самой серёдке носа у него, как и у мамы, гармошкой собираются морщинки.

У Вовки же щёки до того красны и до того круглы, что просто удивительно, как только птицы не склевали их по ошибке вместо яблок.

Вовка, что называется, «тяп-ляп». Схватит – бросит. Бросит – снова схватит. И никакого толку. По десять раз в день он придумывал что-нибудь новое и никогда ничего не кончал. Не то что Петя, который всё всегда доводит до конца.

В школу Вовка обязательно опаздывал бы, но аккуратный Петя заходил за ним каждое утро.

Не в пример Пете, Вовка очень любил драться. Он был большим задирой и с удовольствием ввязывался в любые потасовки. Дрался он обыкновенно своим портфелем, и если судить только по портфелю, то всякий бы сказал про Вовку: этот мальчик, вероятно, давно окончил школу. Портфель у Вовки был драный, с оторванной и кое-как прикрученной ручкой. Замка совсем не было, и Вовка мог таскать свой портфель только под мышкой. Прямо не верилось, что всего каких-нибудь два месяца тому назад этот портфель, новёшенький, завернутый в серую бумагу, перевязанный сверху бечёвкой, Вовкин отец принёс из магазина.

А у рыженького Кирилки вообще не было никакого портфеля. До самого снега он носил в школу книги и тетради завёрнутыми в газетную бумагу.

В одно прекрасное утро – для Кирилки это утро было особенно прекрасным – весь класс дружно ахнул: Кирилка явился в школу с портфелем. Да ещё с каким!

Мало того, что этот портфель был из роскошной тёмно-коричневой кожи и ростом почти с самого Кирилку, он был с двумя замками, с двумя ключами и с двумя ремнями. Он мог складываться и раскладываться. И, кроме того, в нём имелось не меньше восьми различных отделений, начиная от самых крохотных, куда можно было сунуть разную мелочь, вроде конфетной бумажки или пера, и кончая колоссальным отделением, во всю длину раскрытого портфеля, куда при желании мог поместиться даже сам Кирилка.

Конечно, все эти подробности выяснились много позднее – на переменке. А в первый момент, когда Кирилка и его новый портфель появились в дверях класса, все только в изумлении ахнули.

Клавдия Сергеевна тоже заметила новый Кирилкин портфель и подозвала к себе Кирилку.

Застенчиво краснея, Кирилка подошёл.

– Замечательный портфель! – проговорила Клавдия Сергеевна и спросила: – Кто же тебе подарил его, Кирилка?

И вот тогда-то класс впервые услыхал Кирилкин голос, тоненький, словно писк комара:

– Это мой папа.

– Он уже вернулся? – обрадовалась Клавдия Сергеевна. – Когда?

– Нет, – ответил Кирилка. – Он ещё не вернулся. Один дядя приехал прямо с Севера… и привёз.

– Как хорошо, что твой папа вспомнил про портфель… Я рада за тебя, Кирилка!

– И я рад! – пропищал Кирилка и вздохнул.

Но какой же это был лёгкий и счастливый вздох!

Конечно, о своём портфеле Кирилка мог бы рассказать гораздо больше. Он мог бы рассказать, например, как вчера вечером к ним домой пришёл высокий военный в форме летчика и спросил, не тут ли живёт мальчик Кирилка.

В этот вечер Кирилка сидел дома совершенно один. Увидев незнакомого военного, он сперва немного испугался. Но потом сказал, что «мальчик Кирилка» живет здесь и что он и есть этот мальчик. Тогда высокий военный очень обрадовался и сказал, что он папин товарищ, прилетел с Севера и привёз Кирилке привет от папы.

Тут Кирилка тоже очень обрадовался, сразу перестал бояться, и они с папиным товарищем в одну минуту подружились. Папин товарищ посадил Кирилку к себе на колено и стал рассказывать, как они хорошо и дружно живут на зимовке, какой у Кирилки молодец папа и какой он выстроил отличный дом для зимовщиков.

Потом он сказал, что завтра улетает обратно и пусть Кирилка скажет: что ему хочется получить с Севера – медвежонка, или оленёнка, или ещё какую-нибудь необыкновенную северную вещь?

И тогда, немного подумав и легонько вздохнув, Кирилка сказал: конечно, он бы рад получить живого медвежонка, а ещё лучше маленького моржонка, но пусть лучше папа пришлет ему с Севера самый обыкновенный портфель. Без портфеля ему очень неудобно ходить в школу.

– У тебя совсем нет портфеля, малыш? – удивился папин товарищ. – Совсем никакого? А в чем же ты носишь книжки?

Кирилка сказал, что у него нет никакого портфеля, а книжки он заворачивает в газету и ребята над ним смеются и не хотят с ним играть в «колдунчики».

– Что ж тут смешного? – Папин товарищ нахмурил брови. – Не понимаю!

– Не знаю, – тихонько промолвил Кирилка. И вдруг папин товарищ шлёпнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

– Ну какой же я рассеянный! Просто удивительно, до чего я рассеян… Посмотри, какой портфель прислал тебе отец, а я чуть не забыл про него!

И он показал Кирилке на портфель, который лежал возле них на столе.

Кирилка сначала не очень-то поверил.

– Это мне? – спросил он, робко дотрагиваясь до портфеля. – Мне? – повторил он снова. – Мне? – повторил он и в третий раз.

– Уж раз я говорю – тебе, значит, тебе! – весело сказал папин товарищ. – Только дай я выну из твоего портфеля мои бумаги… Я их на время положил туда.

А потом папин товарищ распростился с Кирилкой и ушёл. Но, уходя, он ещё раз обернулся и, улыбнувшись, сказал Кирилке:

– Ну до чего я забывчивый! Ведь чуть не увёз твой портфель обратно на Север…

Ничего этого Кирилка, понятно, никому не рассказал. Да и зачем рассказывать?

На первой же переменке весь класс окружил Кирилку. Всем хотелось поближе взглянуть на необыкновенный портфель.

Но Клавдия Сергеевна посоветовала им не толкаться, а спокойно сесть на места. Пусть лучше портфель пойдёт вкруговую, по всем партам, тогда каждый сможет его хорошо рассмотреть.

– Хочешь так, Кирилка? – спросила Клавдия Сергеевна.

– Хочу, – шёпотом ответил Кирилка.

И портфель отправился с одной парты на другую по всему первому классу «А».

Не было ни одного из тридцати трёх ребят, кто не пощупал бы прочность кожи портфеля, не полюбовался бы его двумя замками, двумя ключами, двумя ремнями и восемью отделениями.

Обратно к Кирилке портфель вернулся без единого пятнышка, без единой царапины, овеянный небывалой для портфеля славой.

– Наверно, он из моржовой кожи, – проговорил Петя, деловито щупая портфель, который уже лежал рядом с Кирилкой. – Или из мамонтовой… А может, из китовой или тюленьей? Они всегда водятся на Севере.

Кирилка ничего не ответил. Он протирал тряпочкой сверкающие бляхи замков. Он только поднял на Петю глаза, полные доверия. Если бы Петя сказал, что портфель сделан из банановой кожи и на Севере водятся крокодилы, Кирилка вцепился бы в каждого, кто посмел это отрицать.

Но из школы, несмотря на портфель, Кирилка возвращался в одиночестве. Петя и Вовка шли впереди, а он понуро плёлся сзади.

Петя и Вовка обсуждали очень важный вопрос: куда лучше им снарядить экспедицию – на Северный полюс или в Антарктиду?

А Кирилка, печально вздыхая, думал о том, что и портфель ему не помог: Петя всё равно не хочет с ним дружить. И Вова тоже.

– Нет, как ты не понимаешь, – горячился Петя, размахивая рукой, – как ты не понимаешь? У меня только три парохода! Нельзя пополам, раз три… Ну как ты разделишь три пополам? Как?

– А тоже нельзя, чтобы у тебя были одни пароходы, а у меня одни самолёты, – упрямо твердил Вовка. – Так тоже неинтересно!

– Тогда как? Ну как? – Петя иронически прищурился. – Ну? Ну? Как ты хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.